

## Политический анализ

И. А. Быков

### СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ПОЛИТИКА В РОССИИ: ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЕВРОПЫ

Статья посвящена сравнительному анализу социального капитала в России, странах Европейского Союза и Украины. Основываясь на данных Европейского социального исследования, охватившего 23 страны, описывается текущее состояние социального капитала в России. По сравнению с Западной Европой в России наблюдаются значительно более низкий уровень участия граждан в деятельности общественных организаций и невысокий уровень доверия. Обосновывается тезис о необходимости государственной политики в области развития социального капитала.

*Ключевые слова:* социальный капитал, политика России, политическая модернизация, гражданское общество, человеческий капитал, сетевой подход.

Проблемы теоретического осмысления феномена социального капитала и практических последствий этого явления для политической жизни относительно слабо изучены в отечественных исследованиях. Термин «социальный капитал» оказался в тени более известной концепции «человеческий капитал». Тезис развития человеческого капитала стал чем-то очевидным и для исследователей в области социально-политических наук, и для политиков<sup>1</sup>. Ценность развития человеческого капитала понятна не только учёным и политикам, но и гражданам. Например, получение высшего образования имеет высокий приоритет среди населения РФ.

С концепцией социального капитала не всё так очевидно, поскольку в отечественной научной литературе сформировался определённый перекоп в сторону концепции человеческого капитала<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Так, например, на заседании Государственного совета РФ при обсуждении вопроса «О мерах по развитию национальной конкурентоспособности в условиях мирового финансового кризиса» министр экономического развития Эльвира Набиуллина выдвинула на первое место именно задачу «повышения качества человеческого капитала» (<http://news.kremlin.ru/transcripts/2117/print> — дата обращения: 19.04.2010).

<sup>2</sup> В научной электронной библиотеке Elibrary.Ru на запросы по фразе (в названии, ключевых словах и аннотациях) «человеческий капитал» было получено 589 ответов, а по фразе «социальный капитал» — всего 137. На сайте Федерального образовательного портала «Экономика. Социология. Менеджмент» ([www.ecsocman.edu.ru](http://www.ecsocman.edu.ru)) 19 апреля 2010 г. по ключевой фразе «человеческий капитал» можно было обнаружить 124 записи, а по фразе «социальный капитал» — 58.

Такое пренебрежение социальным капиталом, на наш взгляд, является большим упущением, так как он имеет не меньшее, если не большее, значение не только сам по себе, но и для развития человеческого капитала (см.: Коулман 2001; Бюссе, 2002, с. 93–104). Наиболее ярко результат пренебрежения социальным капиталом в России проявляется в феномене «утечки мозгов» и невыгодном миграционном балансе. Собственно, «утечка мозгов» становится непреднамеренным результатом непродуманных инвестиций в человеческий капитал. Россия фактически занимается подготовкой ценных трудовых ресурсов для наиболее развитых стран мира. Невнимание к социальному капиталу и к некоторым другим факторам, которые теперь принято объединять под рубрикой «качество жизни», приводит к тому, что положительный эффект от усилий, направленных на развитие человеческого капитала, если и не исчезает полностью, то серьёзно нивелируется.

Концепция социального капитала получила большое распространение в современной англоязычной литературе (см., например: Fine, 2001; Halpern, 2005; Lin, 2002; Social Capital, 2008). В отечественной литературе при всех отвлечённых рассуждениях о социальном капитале и его роли в обществе в целом и влиянии на политическую жизнь в частности (см. например: Бусова, 1999; Демкив, 2005; Дискин, 2003; Ищенко, 2006; Семёнова, 2007; Степаненко, 2004; Хмельницкий, 2009) наблюдается большой недостаток эмпирических исследований по этой теме<sup>3</sup>. В имеющихся работах акцент делается, прежде всего, на экономических и социальных, а не политических аспектах этого феномена. Именно поэтому наше исследование направлено на эмпирическое изучение положения дел с социальным капиталом в России и его влиянием на политическую жизнь страны. Чтобы это исследование было более адекватно и объективно, проводится сравнение российского социального капитала и социального капитала в странах Европейского Союза, в том числе Центральной и Восточной Европы, а также Украины. Исследование основано на эмпирических данных, полученных в ходе Европейского социального исследования в 2008 г. Все данные, включая исходные файлы в формате SPSS, доступны на сайте исследовательской организации [www.europeansocialsurvey.org](http://www.europeansocialsurvey.org). Всего в 2008 г. в этом исследовании принимало участие 30 стран Европы. Выборки по странам носили репрезентативный характер.

---

<sup>3</sup> Нам удалось обнаружить всего четыре работы на русском языке (см.: Красилова, 2007; Масамиси и др., 2009; Порецкина, Юркенен-Паккасвирта, 1995; Соколов, 2008) и одну — на английском (см.: Dowley, Silver, 2002).

### **Социальный капитал и политическое устройство общества**

Активное исследование проблемы социального капитала началось в 80-е годы XX в. усилиями таких авторов, как П. Бурдьё, Дж. Коулман, Р. Патнэм, Ф. Фукуяма (см.: Farg, 2004). С одной стороны, концепция социального капитала продолжала парадигму гражданского общества (Portes, 1998), с другой стороны, она продвигалась вслед за проникновением эконометрических методов в политологию и в связи с исследованиями человеческого капитала (см.: Коулман, 2001). Социологи старались проанализировать роль социальных связей в обществе, политологи — понять, как социальный капитал отражается на политическом процессе, экономисты, соответственно, высчитывали его влияние на благосостояние (см.: Степаненко, 2004). Таким образом, исследования в этой области изначально носили междисциплинарный характер, а это, в свою очередь, создаёт некоторые проблемы с чёткой формулировкой понятия.

Для П. Бурдьё социальный капитал, наряду с финансовым, физическим и человеческим, является одним из видов капитала, доступных для накопления и распределения. Он определяет социальный капитал как «совокупность существующих или потенциальных ресурсов, связанных с наличием устойчивой сети более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания, или, другими словами, членства в группе» (Bourdieu, 1983, p. 248). Сумма социальных отношений, возникающих в социальных сетях, значительно больше, чем простые выгоды от взаимной помощи. Социальный капитал создаёт комфортные условия жизни благодаря доверительным отношениям в обществе и высокому уровню самоорганизации граждан. Бурдьё придавал особенно большое значение в создании социального капитала доверительным отношениям, так как именно доверие снижает транзакционные издержки и повышает эффективность взаимодействия.

В этом же духе рассуждает Дж. Коулман: «Происхождение социального капитала связано с изменениями в отношениях среди индивидов и облегчает их деятельность. Если физический капитал полностью осязаем, будучи воплощенным в очевидных материальных формах, то человеческий капитал менее осязаем. Он проявляется в навыках и знаниях, приобретенных индивидом. Социальный же капитал еще менее осязаем, поскольку он существует только во взаимоотношениях индивидов. Так же, как физический и человеческий капиталы, социальный капитал облегчает производственную деятельность. Например, группа, внутри которой существуют полная надежность и абсолютное доверие, способна совершить много больше по сравнению с группой, не обладающей данными качествами» (Коулман, 2001, с. 126).

Дж. Коулман в своих работах приводит многочисленные примеры, когда именно социальный капитал становится основным фактором развития человеческого капитала. Наиболее наглядный пример — это школьное образование. В случае, когда семья ученика испытывает проблемы с социальным капиталом (неполная семья, родители мало внимания уделяют детям, многодетная семья, частая смена места жительства и т. п.), успеваемость этого ребёнка резко падает. При этом, по мнению Дж. Коулмана, основная проблема с созданием социального капитала в обществе связана с тем, что производители этих благ не имеют гарантированной оплаты своего труда. Так, например, члены попечительского совета муниципальной школы вкладывают огромные личные усилия в развитие не только своих детей, но и детей тех родителей, которые не участвуют в работе совета. В данном случае мы имеем дело с классическим случаем «безбилетника» из теории рационального выбора. Простая человеческая помощь, которая обычно оказывается людям, попавшим в затруднительное положение, не приносит благотворителям немедленной отдачи. В то же самое время общество в целом получает неоценимую выгоду от этой благотворительности. По мнению Ф. Фукуямы, центральную роль в создании социального капитала играет высокий уровень доверия, который существует между членами общества. Он определяет доверие как «возникающее внутри сообщества ожидание постоянного, честного, ориентированного на совместно разделяемые ценности поведения со стороны других членов этого сообщества» (Фукуяма, 2002, с. 129–149). Спонтанное доверие внешне проявляется в лёгкости коммуникации между людьми и готовностью помочь совершенно незнакомым людям. Ф. Фукуяма на основе собственных исследований выделяет три группы стран: а) с высоким уровнем доверия; б) с низким уровнем доверия; в) атомизированные (с отсутствием доверия) (см.: Бусова, 1999, с. 144).

Согласно этой классификации, США и Япония попадают в первую группу, Китай и Франция — во вторую, Россия — в третью. В странах с низким уровнем доверия широко распространены семейные связи и клановые отношения, которые выступают внешним признаком низкого уровня социального капитала. Как пишет Е. Бусова, «для общества с низким уровнем доверия характерен феминизм — акцент на семейных связях в ущерб всем другим видам социальных отношений» (Там же, с. 146) В атомизированных обществах даже семейные отношения подвергаются эрозии, когда самые близкие родственники не помогают друг другу.

Исследования, рассматривающие доверие в качестве основной составляющей социального капитала, получили большое распро-

странение и признание. Так, например, авторы коллективного исследования «Сравнительные исследования доверия в различных странах в период глобализации» (Масамиси и др., 2009) указывают, что основным инструментом измерения социального капитала выступает именно уровень доверия (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительная характеристика человеческого и социального капиталов

Человеческий капитал	Социальный капитал
Знания, навыки, компетенции и свойства индивидуумов	Связи, а также признанные нормы и ценности внутри социальных групп
Воплощен в отдельных людях	Воплощен в коллективах людей
Создается и накапливается индивидом	Создается и накапливается внутри социальных групп и организаций
Измеряется в основном при помощи показателей уровня образования	Измеряется в основном при помощи показателей уровня доверия

На наш взгляд, это не совсем верно. Доверие — это обязательный элемент социального капитала, но более важным критерием выступают общественные связи, которые реализуются через сектор некоммерческих организаций. Очень высокий уровень доверия не получит, так сказать, капитализации без конкретных форм сотрудничества между людьми. Высокий уровень доверия создаёт спонтанные и спорадические связи, в то время как некоммерческие организации создают более стабильные и долговременные социальные отношения.

Несомненно, для политологических исследований больше всего подходит модель социального капитала Р. Патнэма, который в самом общем виде раскрывает понятие социального капитала через «социальные сети и соответствующие нормы взаимного доверия и обмена нематериальными благами» (Putnam, 2000a) Анализируя опыт демократического развития Италии, Р. Патнэм обнаружил, что горизонтальные связи, которые появляются в результате деятельности социальных сетей, несомненным образом укрепляют демократические институты (Патнэм, 1996). Сравнивая северную и южную части Италии, он убедительно показал, как наличие активных организаций гражданского общества на севере способствует не только демократизации, но и экономическому развитию. С другой стороны, юг Италии, и особенно Сицилия с её семейными, клановыми и даже мафиозными отношениями, не могут похвастаться ни высоким уровнем демократии, ни процветающей экономикой.

Описывая положительные политические и экономические эффекты, сопровождающие наличие социального капитала в обществе, Р. Патнэм не жалеет красок. Основываясь на собственной модели социального капитала (см. ниже), он приходит к выводу, что высокий уровень развития социального капитала благотворно воздействует на качество образования, уровень безопасности, равномерному распределению доходов, качество государственного управления, местное самоуправление, здравоохранение и т. п. Он даже обнаружил отрицательную корреляцию между социальным капиталом и количеством времени, затрачиваемым на просмотр телевизионных программ. Это значит, что люди, проживающие в местности с высоким социальным капиталом, меньше смотрят телевизор и живут более качественной и полноценной жизнью (Putnam, 2000b).

Анализируя развитие социального капитала в США, Патнэм указывает, что Соединённые Штаты начиная с 1960-х годов переживают постепенную, но уверенную тенденцию упадка социального капитала. Это проявляется в уменьшении количества общественных организаций, снижении уровня участия граждан в их деятельности, сокращении формальных видов гражданской активности и т. п. (Putnam, 2000a) По подсчётам Патнэма, за последние 30–40 лет социальный капитал в США сократился почти в два раза. Исследование Р. Патнэма вызвало широкую дискуссию в американском обществе и породило глубокую озабоченность, во всяком случае, на уровне интеллектуальной элиты.

В последнее время концепция социального капитала всё в большей степени связывается с сетевыми формами социальной организации. При этом большая надежда возлагается на современные информационно-коммуникационные технологии, которые, как предполагается, способны заменить прежние, устаревшие и во многом формальные, методы создания социального капитала (см.: Hopkins et al., 2004).

Следует отметить существование «тёмной стороны» социального капитала. Продуцируемые горизонтальными сетевыми связями отношения не являются панацеей от всех социальных болезней. Дело в том, что иногда наличие высокого социального капитала у одной из социальных групп противоречит развитию демократии и препятствует справедливому доступу всех граждан к общественным благам (см.: Portes, 1998, p. 21). Так, например, происходило с расистским движением в США (см.: Hero, 2007), когда белое население использовало свой социальный капитал для продолжения политики сегрегации. Кроме того, в современной сетевой теории наряду с сетями, способствующим развитию полезных для общества

ценностей, выделяют особый вид сетей зависимости, которые не развивают участников сети, а делают их зависимыми от внешней помощи (Networked Politics, 2009). Иногда помощь ООН развивающимся странам или беженцам через общественные организации имеет прямо противоположный эффект. Сетевые организации, которые являются посредниками между западными благотворителями и страждущими, фактически заинтересованы в продолжении финансирования, а не в реальном решении социальных проблем развивающихся стран. В данном случае мы не призываем к ликвидации этих организаций и сворачиванию программ помощи. Речь идёт о более качественной форме организации этой помощи.

### Эмпирическая операционализация понятия

Эмпирическое изучение социального капитала требует создания определённой модели для ее оценки. Поскольку исследователи подходят к изучению социального капитала с разных позиций, постольку используются разные методики и, соответственно, возникают разные результаты. По Р. Патнэму, социальный капитал включает 14 параметров, сгруппированных по пяти критериям: 1) развитие общественных организаций; 2) вовлечённость в общественно-политическую деятельность; 3) волонтерский труд; 4) неформальные социальные отношения; 5) доверие.

Мы располагаем данными, которые были получены в рамках исследования, затрагивающего многие аспекты социального капитала, но не посвящённого целиком этой теме. Поэтому не все вопросы анкеты можно включить в модель Р. Патнэма; мы отобрали 13, на основе которых можно сконструировать авторскую модель политического «социального капитала» (табл. 2).

Таблица 2. Эмпирическая модель политического социального капитала

Критерий	Вопросы анкеты
1	2
Развитие общественных и политических организаций	1. Являетесь ли Вы членом политической партии? 2. Принимали ли Вы участие в работе политической партии или другой общественно-политической группы за последние 12 месяцев? 3. Принимали ли Вы участие в работе других общественных организаций за последние 12 месяцев?
Вовлечённость в общественно-политическую деятельность	4. Принимали ли Вы участие в последних выборах на национальном уровне? 5. Принимали ли Вы участие в легальных публичных мероприятиях за последние 12 месяцев?

Окончание таблицы 2

1	2
Неформальные социальные отношения	6. Как часто Вы встречаетесь на социальных мероприятиях со своими коллегами, друзьями или знакомыми? 7. Есть ли у Вас друзья, с кем бы вы могли обсудить личные или интимные вопросы?
Общий уровень доверия	8. Согласны ли Вы с утверждением, что большинству людей можно доверять? 9. Согласны ли Вы с утверждением, что большую часть времени люди заботятся только о себе?
Уровень политического доверия	10. Доверяете ли Вы политикам? 11. Доверяете ли Вы политическим партиям? 12. Доверяете ли Вы законодательной системе? 13. Доверяете ли Вы полиции?

К сожалению, в анкете отсутствует вопрос о волонтерском труде. Волонтерский труд — это очень важный показатель, который свидетельствует о *реальном* вкладе каждого респондента в развитие всего общества. В этом плане единовременное участие в политической жизни в виде голосования или формальное членство в какой-либо организации могут исказить реальную картину. Материальным эквивалентом волонтерского труда являются добровольные взносы в деятельность какой-либо общественной или благотворительной организации. В нашем случае приходится только сожалеть об отсутствии этих вопросов в анкете и надеяться на то, что вопросы об участии в деятельности политических партий и общественных организаций в какой-то мере затронут эту проблематику. Вопросы об участии в деятельности партий и организаций также указывают, насколько респондент готов вкладывать своё личное время в решение общественных и социальных проблем. В любом случае, наша модель, как и проверенная модель Р. Патнэма, включает в себя набор индикаторов разной степени формализации.

В нашей модели политического социального капитала сделан акцент на общественно-политические аспекты и, в частности, на уровень политического доверия. При этом вопросы по политическому доверию относятся как к политическим акторам (политическим партиям, политическим лидерам), так и к политическим нормам (законодательной системе) и силовым структурам (полиции). На наш взгляд, доверие к полиции в значительной степени отражает уровень легитимности всей политической системы. Соответственно, низкий уровень доверия к политическим структурам и институтам ведёт к неизбежной неэффективности всех принимаемых решений. В данном случае под эффективностью понимается соот-



ношение затраченных ресурсов к достигнутому результату, а не просто достижение результата любой ценой.

**Политический социальный капитал России:  
насколько «ничего» наше «ничего»?**

Итак, обратимся к результатам исследования (табл. 3). В наш анализ были включены следующие страны и группы стран: Россия, Украина, Западная Европа (Бельгия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Испания, Швеция, Швейцария, Великобритания), Центральная и Восточная Европа (Болгария, Чехия, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия), Прибалтийские страны (Латвия и Эстония). Всего в рамках исследования был рассмотрен социальный капитал в 23 странах Европы. 7 стран (включая Турцию и Израиль) не были включены в наше исследование, поскольку не относились к упомянутым целевым группам. Основная задача заключалась в сравнении уровня социального капитала с акцентом на политические аспекты этого явления.

Основным водоразделом для европейских стран выступает наследие «холодной войны». Важно понять, как отразились на социальном капитале политические трансформации, прошедшие в странах бывшего Варшавского договора. Западная Европа выступает в некотором смысле эталоном социального капитала, отражающим вековые традиции демократического развития. Выделение стран Балтии в отдельную группу связано с тем, что, хотя они являлись частью Советского Союза, их политическая история представляет некоторый промежуточный вариант между странами Центральной и Восточной Европы и странами, входившими ранее в СССР.

Таблица 3. Социальный капитал в странах Западной Европы (ЗЕ), Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), Прибалтики, Украины и России (%)

Вопросы	ЗЕ	ЦВЕ	Прибал-тика	Украи-на	Рос-сия
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>
1. Являетесь ли Вы членом политической партии? (да)	3,30	3,00	2,70	3,30	3,80
2. Принимали ли Вы участие в работе политической партии или другой общественно-политической группы за последние 12 месяцев? (да)	3,40	3,20	1,90	4,10	3,60
3. Принимали ли Вы участие в работе других общественных организаций за последние 12 месяцев? (да)	16,30	5,20	3,90	2,50	4,40

Окончание таблицы 3

1	2	3	4	5	6
4. Принимали ли Вы участие в последних выборах на национальном уровне? (да)	72,90	67,10	57,70	78,00	68,20
5. Принимали ли Вы участие в легальных публичных мероприятиях за последние 12 месяцев? (да)	9,00	2,60	5,10	6,50	6,00
6. Как часто Вы встречаетесь на социальных мероприятиях со своими коллегами, друзьями или знакомыми? (средняя оценка по шкале от 1 до 7)	5,05	4,24	4,63	4,53	4,42
7. Есть ли у Вас друзья, с кем бы вы могли обсудить личные или интимные вопросы? (да)	92,00	83,80	83,80	87,40	91,70
8. Согласны ли Вы с утверждением, что большинству людей можно доверять? (средняя оценка по шкале от 0 до 10)	4,99	4,07	4,6	4,11	3,98
9. Согласны ли Вы с утверждением, что большую часть времени люди готовы помочь, а не заботятся только о себе? (средняя оценка по шкале от 0 до 10)	4,95	3,71	4,95	3,72	4,05
10. Доверяете ли Вы политикам? (средняя оценка по шкале от 0 до 10)	4,95	2,48	2,26	1,51	3,27
11. Доверяете ли Вы политическим партиям? (средняя оценка по шкале от 0 до 10)	3,59	2,55	2,22	1,66	3,2
12. Доверяете ли Вы законодательной системе? (средняя оценка по шкале от 0 до 10)	5,25	3,76	4,3	1,91	4,06
13. Доверяете ли Вы полиции? (средняя оценка по шкале от 0 до 10)	6,25	4,65	5,11	2,27	3,7

Анализ полученных данных позволяет сделать несколько любопытных выводов. Первый вывод — это наиболее серьезные различия, наблюдаемые по параметру развития общественных организаций и публичной активности (вопросы № 3 и 4). Отставание России от Западной Европы по общественным организациям составляет почти 4 раза (точнее, 3,7). Украина находится в ещё более бедст-

венном положении: только 2,5% граждан этой страны участвуют в деятельности общественных организаций. Вероятно, одним из факторов низких цифр России и Украины по этому показателю стали экономические причины. Однако страны Центральной и Восточной Европы также значительно отстают. На наш взгляд, более вероятно, что причины кроются в историческом наследии и периоде постсоветских трансформаций, когда «советский тип» социального капитала был разрушен, а новые общественные организации ещё не развились. Кроме того, следует отметить, что существующее в России законодательство не способствует развитию некоммерческих организаций, практически никак не стимулируя благотворительность и другие формы общественно полезной деятельности. Публичные мероприятия также находятся под сильным контролем правоохранительных органов.

Второй по важности показательный вывод — это уровень политического доверия. Здесь можно отметить такой любопытный момент: традиционные политические акторы пользуются примерно одинаковым, низким уровнем доверия по всей Европе, как Западной, так и Восточной. Это касается политических партий и политиков. Но если мы обратимся к законодательным нормам и полиции, то здесь разница весьма ощутима. Западные европейцы могут, конечно, скептически относиться к конкретным фигурантам политической жизни, но когда разговор заходит о законодательной системе и, что не менее важно, — институте осуществления легитимного насилия — полиции, то отношение становится вполне уважительным.

Третий вывод связан с уровнем общего доверия. Здесь можно сказать, что Россия находится в одной группе с постсоветскими странами. В Западной Европе межличностные отношения отличаются более высоким доверием, чем в странах бывшего Варшавского договора. Вместе с тем по другим, более формальным, показателям Россию вряд ли можно назвать отсталой. Наоборот, членство в политических партиях, участие в их работе, уровень голосования оказались ничуть не хуже, чем в Европе. А по уровню участия в публичных мероприятиях Россия «обставила» страны Центральной и Западной Европы в 2 раза. Конечно, высокий уровень членства в политических партиях можно объяснить влиянием законодательства, которое стимулирует политические партии к «раздутию» формального количества сторонников. Но это можно с равным успехом объяснить упадком политических партий в Западной Европе. Возможны разные объяснения. Так или иначе, результаты сравнения показывают, что по большинству параметров социальный капитал в России не находится в таком уж катастрофическом положении, как

об этом можно было предположить. Горизонтальные связи внутри общества существуют, общественные организации действуют, уровень доверия в обществе невысокий, но в целом на уровне стран Прибалтики, Центральной и Восточной Европы. Всего по нескольким показателям, и в первую очередь по уровню развития общественных организаций, Россия отстаёт. В Украине ситуация ещё хуже, особенно в области политического доверия. Страны Прибалтики в этой картине ближе к странам Центральной и Восточной Европы, которые занимают промежуточное положение между Россией и Украиной, с одной стороны, и Западной Европой, — с другой.

Необходимо отметить, что данные коллективного исследования «Сравнительные исследования доверия в различных странах в период глобализации», о котором уже упоминалось ранее, дополняют наши результаты очень интересными данными. Так, наименьшим уровнем доверия среди всех социальных институтов в России обладают общественные организации, а наиболее высоким — бизнес (см.: Масамиси и др., 2009, с. 27) Это говорит о том, что такой ключевой и связующий элемент социального капитала, как общественные организации, не только не получает поддержки в виде участия граждан в их деятельности, но и пользуется наименьшей моральной поддержкой. Можно только радоваться, что, несмотря на настороженное отношение государства и прохладный приём со стороны общества, в России всё ещё существует сектор некоммерческих организаций.

### **Социальный капитал и политическая модернизация**

Социальный капитал является одним из важнейших ресурсов экономического и политического развития страны. При этом причинно-следственная связь носит двусторонний характер (см.: Portes, 1998; Putnam, 2000a). Страны с высоким уровнем социального капитала развиваются лучше, соответственно, у них больше социального капитала. Однако эта эволюционная спираль имеет место только в том случае, если само понятие социального капитала находится в числе приоритетов государственной политики и в центре общественного внимания. Впрочем, примерно такая же судьба у понятия «качество жизни». Развитие социального капитала требует длительных усилий как минимум нескольких поколений. Ещё со времён А. де Токвиля отмечалось, что в становлении американской государственности большую роль сыграли культура переселенцев и колоссальный опыт самоорганизации и сотрудничества. Все так называемые развитые страны могут похвастаться длительной эволюцией своей культуры и форм общежития.

Следует отметить, что в советское время в нашей стране суще-

ствовала довольно развитая форма социального капитала «советского типа», которая, конечно, поддерживалась и полностью контролировалась государственными и партийными органами. Те, кто жил в эти времена, прекрасно помнят всевозможные дома культуры, кружки по интересам, собрания жильцов дома, субботники и т. п. Даже пресловутые пионерские и комсомольские организации, несомненно, вносили свою лепту в структурирование социальной ткани советского общества. Уровень доверия граждан друг к другу был значительно выше, чем сегодня. Постсоветские трансформации самым драматическим образом отразились на структурированности общественной ткани. Вслед за дезинтеграцией советских политических институтов наступило время, когда прежние формы социального капитала были разрушены, а новые ещё не появились.

Одним из вариантов нового «социального капитала» в России выступают коррупционные сети (см.: Ledeneva, 2006). Конечно, можно спросить, а является ли российская коррупция социальным капиталом? На наш взгляд, ответ скорее отрицательный. Даже если и является, то весьма специфическим, поскольку этот социальный капитал не направлен на развитие человеческого капитала, на развитие всего общества. Тут действует простая логика: если у вас есть *связи* (по-советски — *блат*), то зачем стараться, учиться, работать над собой? Российская коррупция помогает выживать в атомизированном обществе с плохо функционирующими социальными институтами и полным невниманием к социальному капиталу. Коррупционные сети относятся к типу контрпродуктивных социальных сетей.

Всесторонняя модернизация России должна включать в свою программу развитие не только человеческого капитала, но и социального. Как показывают западные исследования, социальный капитал является необходимым условием эффективного государственного управления (см.: Knack, 2002). Его основные преимущества с опорой на социальный капитал заключаются, во-первых, в минимизации издержек за счёт передачи части государственных функций общественным организациям, а во-вторых, в повышении эффективности осуществления государственных решений. Дело в том, что в обществе с высоким уровнем доверия к политическим институтам и политическим акторам политические решения легче проводятся в жизнь, чем в обществе, где к любому, даже разумному призыву властей относятся с полным скептицизмом и автоматическим отрицанием.

Таким образом, развитие социального капитала в России следует поддерживать в двух направлениях: развитие сектора некоммерческих организаций и повышение доверия к политическим нор-

мам и институтам (особенно — полиции), а также доверия между людьми. Развитие сектора некоммерческих организаций можно стимулировать за счёт смягчения норм регулирования их деятельности и внесения ясности в области благотворительности. Что касается уровня общего доверия в обществе, то, несомненно, огромное значение для улучшения социального микроклимата в стране имеет ситуация вопиющего социально-экономического неравенства и неясности критериев отбора в элитные группы (см.: Красилова, 2007).

В заключение вслед за Дж. Коулманом отметим, что важнейшим свойством социальных систем, от которых зависит процесс развития социального капитала, является их *замкнутость* (Коулман, 1999, с. 129–130). В политических отношениях близким по смыслу термином выступает идея подотчётности государственных структур избирателям. В случае, когда политическая система страны носит разомкнутый характер, т. е. у некоторых акторов практически отсутствуют возможности влияния на других акторов, направление взаимодействия носит односторонний характер и соответствующие нормы доверия и коллективных действий не возникают. А это значит, что развитие социального капитала в России (а за ним и человеческого капитала, и качества жизни) непосредственно зависит от политической модернизации.

#### Литература

1. Бусова Н. А. Культурные корни социального капитала // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 144–148.
2. Бюссе С. Социальный капитал и неформальная экономика в России // Мир России. 2002. № 2. С. 93–104.
3. Демкиев О. Концепция группового социального капитала и её адаптация к отечественным условиям // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. № 4. С. 104–118.
4. Дискин И. Е. Социальный капитал в глобальной экономике // Общественные науки и современность. 2003. № 5. С. 150–159.
5. Ищенко И. Г. Теоретические подходы к формированию понятия «социальный капитал» // Известия Пензенского государственного педагогического университета. 2006. № 2 (6). С. 28–32.
6. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.
7. Красилова А. Н. Социальный капитал как инструмент анализа неравенства в российском обществе // Мир России. 2007. № 4. С. 160–180.
8. Масамиси С., Давыденко В. А., Латов Ю. В., Ромашкин Г. С., Латова Н. В. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России // Журнал институциональных исследований. 2009. Т. 1. № 1. С. 20–35.
9. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996. 288 с.
10. Порецкина Е. М., Юркенен-Пакасвирта Т. Социальные сети и повседневная жизнь жителей Санкт-Петербурга // Мир России. 1995. № 2. С. 190–201.

11. Семёнова А. К. Социальный капитал: теория и практика // Известия Саратовского университета. 2007. Т. 7. Сер. Экономика. Управление. Право. Вып. 1. С. 27–31.
12. Соколов Н. Петербургские домохозяйства: социальные сети и социальный капитал // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 3. С. 23–30.
13. Степаненко В. Социальный капитал в социологической перспективе: теоретико-методологические аспекты исследования // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 2. С. 24–41.
14. Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 129–149.
15. Хмельницкий С. А. Теория социального капитала — институциональный подход // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2009. № 2(18). С. 120–125.
16. Bourdieu P. Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J.G. Richardson. New York, 1983. P. 241–258.
17. Dowley K. M., Silver B. D. Social Capital, Ethnicity and Support for Democracy in the Post-Communist States // Europe-Asia Studies. Vol. 54. 2002. N 4. P. 505–527.
18. Farr J. Social Capital: A Conceptual History // Political History. Vol. 32. 2004. N 1. P. 6–33.
19. Fine B. Social Capital versus Social Theory: Political Economy and Social Science at the Turn of the Millennium. London: Routledge, 2001. 294 p.
20. Halpern D. Social Capital. Cambridge, UK: Polity Press, 2005. 400 p.
21. Hero R. E. Racial Diversity and Social Capital: Equality and Community in America. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2007. 194 p.
22. Hopkins L., Thomas J., Meredyth D., Ewing S. Social Capital and Community Building through an Electronic Network // Australian Journal of Social Issues. Vol. 39. 2004. N 4. P. 369–379.
23. Knack S. Social Capital and the Quality of Government: Evidence From the States // American Journal of Political Science. 2002. Vol. 46. N 4. October. P. 772–785.
24. Ledeneva A. V. How Russia Really Works: The Informal Practices that Shaped Post-Soviet Politics and Business. Ithaca; London: Cornell University Press, 2006. 270 p.
25. Lin N. Social Capital: a Theory of Social Structure and Action. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 278 p.
26. Networked Politics: Agency, Power, and Governance / Ed. by B. Kahler. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2009. 274 p.
27. Portes A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // Annual Review of Sociology. 1998. N 24. P. 1–24.
28. Putnam R. D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon and Schuster, 2000a. 546 p.
29. Putnam R. D. Social Capital: Measurement and Consequences // The Contribution of Human and Social Capital to Sustained Economic Growth and Well-Being. International Symposium Report / Ed. by the OECD and HRDC. Quebec, 2000b. March 19–21. 32 p. // <http://www.oecd.org/dataoecd/25/6/1825848.pdf> (дата обращения: 19.04.2010).
30. Social Capital: An International Research Program / Ed. by N. Lin, B. H. Erickson. Oxford: Oxford University Press, 2008. 468 p.